

Н.Я. Гротом

**Вопросы философии и
психологии**

Книга 62

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Н11

Н11 **Н.Я. Гротом**
Вопросы философии и психологии: Книга 62 / Н.Я. Гротом – М.: Книга
по Требованию, 2014. – 341 с.

ISBN 978-5-458-04711-1

Вопросы философии и психологии. Состоит из 137 книг.
март-апрель 1902г.

ISBN 978-5-458-04711-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Вѣра.

Психологическій этюдъ. ¹⁾

I.

„Отрицать, вѣрить и сомнѣваться для человѣка то же, что для лошади бѣжать“, говорилъ Паскаль. Въ этомъ своеобразномъ и немножко грубомъ афоризмѣ онъ высказалъ одну изъ самыхъ безспорныхъ истинъ, какія только когда-нибудь оспаривались людьми. Вѣра, въ психологическомъ смыслѣ этого слова, есть самая естественная и необходимая функція человѣческаго ума. На ней покоится каждый актъ сознанія, изъ нея вытекаютъ всѣ наши дѣйствія, и трудно назвать другой вопросъ, который могъ бы имѣть бѣльшую важность для человѣческой мысли и жизни, чѣмъ вопросъ о вѣрѣ.

Не нужно думать, что значеніе этого вопроса ограничивается предѣлами одной только религіи, которая многими считается исключительною областью вѣры. Истины религіи, это лишь идеальныя высоты, на которыя должна подняться наша мысль, чтобы найти тамъ нравственное примиреніе окружающихъ насъ противорѣчій дѣйствительности и дать успокоеніе нашему страждущему сердцу. Но спу-

¹⁾ Вопросъ о вѣрѣ обыкновенно разсматривается у насъ только съ богословской или съ чисто гносеологической точки зрѣнія. Психологическій анализъ этого важнаго фактора почти не затронуть въ нашей литературѣ. Попытку такого именно анализа я сдѣлалъ въ рѣчи «*О вѣрѣ*», напечатанной въ № 4 Харьковскаго журнала «Вѣра и Разумъ» за текущій годъ. Въ настоящей статьѣ мнѣ хотѣлось бы дополнить высказанные тамъ взгляды нѣкоторыми новыми теоретическими соображеніями и фактами.

ститесь съ этихъ священныхъ высотъ въ нашу земную юдоль и загляните въ любой уголокъ знанія и жизни, и вы увидите, что все здѣсь проникнуто вѣрой, все держится и движется этою силой. Мы живемъ въ пространственно-чувственномъ мѣрѣ, который для насъ полонъ свѣта, красокъ и звуковъ, и этотъ мѣръ намъ кажется дѣйствительностью. Кто сталъ бы отрицать, что это солнце свѣтитъ? Кто усомнился бы въ существованіи природы, безконечно разнообразной и прекрасной,—прекрасной даже среди нашихъ сѣверныхъ снѣговъ? Развѣ мы не видимъ окружающихъ насъ вещей своими глазами и не осязаемъ ихъ руками? Развѣ мы не знаемъ о нихъ по непосредственному чувственному опыту? Намъ кажется, что поставить эти вопросы значить рѣшить ихъ. Однако, если мы обратимся съ ними къ современному физику, онъ отвѣтитъ на нихъ иначе, чѣмъ мы ожидаемъ. Онъ скажетъ намъ, что нашъ обыкновенный чувственный опытъ есть только вѣра, и, притомъ, иллюзорная вѣра. На мѣсто этого чувственного опыта онъ намъ представитъ научную концепцію міра, которая совершенно противорѣчитъ нашимъ обычнымъ воззрѣніямъ. По этой концепціи, въ мѣрѣ нѣтъ ни свѣта, ни красокъ, ни звуковъ, ни гармоніи, ни дисгармоніи, ни красоты, ни безобразія. То, что мы называемъ свѣтомъ и красками, суть лишь колебанія эѳира и его преломленія; то, что мы считаемъ звукомъ, суть лишь движенія воздушныхъ волнъ, прозаически бьющихъ въ нашу барабанную перепонку; то, что намъ кажется красотой и безобразіемъ, суть безжизненные формы равнодушныхъ къ красотѣ и безобразію элементовъ. Всѣ эти качества, украшающія собой нашъ чувственный мѣръ, суть, говоря словами Гельмгольца, только *знаки*, или субъективные символы, тѣхъ воздѣйствій, которыя мы получаемъ со стороны окружающей насъ дѣйствительности: въ нихъ отражаются не свойства вещей, а лишь ихъ закономѣрныя отношенія ¹⁾).

¹⁾ Helmholtz, *Physiologische Optik*, 2-te Aufl., Hamburg und Leipzig 1896, S. 586.

Дѣйствительный міръ, міръ, лежащий за предѣлами нашихъ ошущеній и очищенный отъ ихъ субъективныхъ прибавокъ, есть царство неизмѣнной матеріи и вѣчной силы; это—бесконечно сложная *система молекулярныхъ движеній*, подчиненныхъ непреложнымъ законамъ. Въ нашемъ чувственномъ воспріятіи эта система движеній облекается, какъ остовъ, въ плоть и кровь, принимая различныя видимыя и осязаемыя формы; но имѣютъ ли эти формы какой-нибудь реальный смыслъ, мы не знаемъ и знать не можемъ. Мы только *въ-рима* въ ихъ дѣйствительность, повинуваясь обманчивому голосу нашихъ внѣшнихъ чувствъ.

Какъ бы ни противорѣчила научная концепція міра нашимъ обычнымъ представленіямъ, она гораздо болѣе удовлетворяетъ нашу мысль, чѣмъ простой чувственный опытъ: она превращаетъ міръ въ пустыню, но она даетъ намъ его объясненіе. Однако, можемъ ли мы утверждать, что сама эта концепція основывается на истинномъ знаніи природы вещей и вполне выражаетъ ихъ дѣйствительность? Если бы мы предложили этотъ вопросъ философу, онъ произнесъ бы надъ міровоззрѣніемъ физика такой же приговоръ, какой тотъ произноситъ надъ нашимъ чувственнымъ опытомъ. Онъ сказалъ бы, что научная концепція міра основана также на вѣрѣ и выражаетъ не дѣйствительную природу вещей, а только наиболѣе удовлетворяющій насъ способъ мышленія о нихъ. Въ самомъ дѣлѣ, что знаетъ ученый о дѣйствительномъ существованіи матеріи и силы, движенія и законовъ природы? Столько же, сколько профанъ знаетъ о дѣйствительномъ существованіи свѣта и звука. Такъ называемой матеріи, — этой единой, простой и неизмѣнной матеріи, — ученый не наблюдаетъ и не можетъ наблюдать въ своемъ непосредственномъ опытѣ. Онъ видитъ здѣсь только разнообразныя, сложныя и измѣнчивыя формы вещей, которыя въ свою очередь открываются его познанію только въ сложныхъ и измѣнчивыхъ комплексахъ его собственныхъ зрительныхъ и осязательныхъ ошущеній. Въ системѣ научныхъ представленій матерія является простымъ

„вымысломъ (ein Gedankending), который мы построили себѣ довольно несовершенно, для того, чтобы представить постоянное среди переменныя явленій“¹⁾). Наблюдаетъ ли ученый въ своемъ опытѣ молекулярное движеніе, физическія силы и законы матеріи? Также нѣтъ. Онъ имѣетъ дѣло лишь съ состояніями видимыхъ имъ предметовъ и, наблюдая ихъ измѣненія и законы, въ дѣйствительности наблюдаетъ только переменныя и постоянныя соотношенія въ своихъ ощущеніяхъ и представленіяхъ. Все, что онъ прибавляетъ къ этимъ ощущеніямъ и представленіямъ, суть идеи,—его собственныя идеи, полученныя въ результатѣ логической переработки чувственного опыта или конструированныя по общимъ законамъ человѣческой мысли въ цѣляхъ его объясненія. Эти идеи онъ переноситъ вмѣстѣ съ своими ощущеніями въ объективный міръ и рассматриваетъ ихъ какъ принципы и законы вещей. И если онъ открываетъ неизмѣнное дѣйствіе этихъ законовъ въ природѣ, то въ сущности онъ открываетъ здѣсь только неизмѣнную связь своихъ понятій, координированныхъ съ непосредственными ощущеніями, и познаетъ незыблемость законовъ своей мысли. Въ этомъ случаѣ онъ впадаетъ въ ту своеобразную теоретическую иллюзію, которую отмѣтилъ съ такою ясностью и силой Шиллеръ въ своей эпиграммѣ „*Menschliches Wissen*“:

Weil du liesest in ihr was du selber in sie geschrieben,
 Weil du in Gruppen fürs Aug' ihre Erscheinungen reihst,
 Deine Schnüre gezogen auf ihrem unendlichen Felde,
 Wähnst du, es fasse dein Geist ahnend die grosse Natur.

Спиноза говорилъ, что „порядокъ и связь идей то же, что порядокъ и связь вещей“ (ordo et connexio idearum idem est, ac ordo et connexio rerum). Но въ мірѣ нѣтъ такого гения, который могъ бы разгадать намъ порядокъ и связь

¹⁾ Ostwald, *Die Ueberwindung des wissenschaftlichen Materialismus*, Leipzig, 1895, S. 26. Сравн. недавно вышедшую книгу *Vorlesungen über Naturphilosophie*, Leipzig, 1902, S. 148 ff., и др.

вещей самихъ по себѣ, и Фихте имѣлъ полное право сказать болѣе рѣшительно и просто: „порядокъ вещей лежитъ только въ нашихъ понятіяхъ“ ¹⁾. Итакъ, ученый отличается отъ профана лишь тѣмъ, что профанъ останавливается на своихъ ощущеніяхъ и принимаетъ ихъ за дѣйствительныя вещи, а ученый выходитъ за предѣлы ощущеній и замѣняетъ ихъ понятіями. Открывая въ сложныхъ и измѣнчивыхъ формахъ ощущаемыхъ имъ вещей нѣкоторыя общія и неизмѣнныя свойства, онъ сводитъ ихъ къ понятію простой и единой матеріи; наблюдая въ объектахъ своихъ ощущеній перемѣны, взаимную связь и зависимость, онъ обобщаетъ ихъ въ понятіяхъ движенія, силы и закона. Если міръ профана, говоря словами Милля, есть только совокупность нашихъ дѣйствительныхъ и возможныхъ ощущеній, то міръ ученаго есть *система объективированныхъ понятій*. Имѣютъ ли эти объективированныя понятія дѣйствительное существованіе за предѣлами его собственнаго ума, ученый этого не знаетъ. Онъ только *вѣритъ* въ ихъ объективную реальность, вѣритъ самую простую, обыкновенную вѣрой,—вѣритъ какъ дикарь, который олицетворяетъ свои наивныя мысли, чувства и надежды и вкладываетъ ихъ въ видѣ живыхъ существъ и силъ

¹⁾ J. G. Fichte, *Die Thatsachen des Bewusstseins*, vorgetr. im J. 1813, Nachgelassene Werke, herausgeg. von I. H. Fichte, Bonn 1834—1835, I Bd. S. 515—516. Вотъ подлинныя слова Фихте,—они очень интересны и мало извѣстны: «Die Natur ist durchaus nicht Bild Gottes, sondern nur dasjenige, worin Gott zu bilden ist; eben so wenig ist sie Gottes Geschöpf, sie hat mit Gott gar Nichts gemein. Wir, die vernünftigen Iche, möchten werden, wenn wir wollten, Gottes Geschöpfe, und die Natur machen zu unserm eigenen Geschöpfe, wir sind das Bild Gottes, und die Natur ist unser Bild. Wenn die Leute die Weisheit Gottes in der Natur bewundern, was bewundern sie da eigentlich? Nur ihr Denken, denn die Ordnung liegt lediglich doch in ihrem Begriffe; und ein solches sichtbares Bilden merken sie nicht! Die Ordnung und Weisheit in der Natur ist die Ordnung und Weisheit des Denkens, und diese Ordnung ist Weisheit, denn in ihr ist abgebildet und abgedrückt das Grundgesetz der Erscheinung». Современная научная мысль въ сущности очень близка къ этимъ воззрѣніямъ стараго нѣмецкаго идеалиста. Достаточно вспомнить опредѣленіе закона и теорію научнаго опыта у Гельмгольца, *Physiol. Optik*, 2 Aufl., S. 591 ff.; достаточно прочесть любопытную замѣтку Вундта «*Wer ist der Gesetzgeber der Naturgesetze?*» *Philosophische Studien*, III Bd. S. 493 ff.

въ поразившія его явленія природы. Самое точное научное познаніе пропитано вѣрой нисколько не меньше, чѣмъ самая фантастическая мифологія. Оно есть, по справедливому выраженію Селли, только *систематическая координація или организація нашихъ вѣрованій* ¹⁾.

Я замѣтилъ, что ученый, разсматривающій міръ какъ систему движеній и законовъ, превращаетъ его въ пустыню. Философъ, который видитъ въ этой системѣ движеній и законовъ лишь систему нашихъ субъективныхъ понятій, превращаетъ міръ въ ничто. Во всей вселенной остается для него дѣйствительнымъ только одинъ фактъ,—фактъ его собственнаго сознанія. Сомнѣніе во всемъ,—вотъ единственная вещь, въ которой не можетъ усомниться самый смѣлый и рѣшительный скептикъ. Этотъ жалкій остатокъ дѣй-

¹⁾ Sully, *The Human Mind. A text-book of Psychology*, London, 1892, vol. I, p. 495.—Гельмгольцъ, соединявшій съ научнымъ гениемъ глубокой философскій умъ, прекрасно понималъ это значеніе вѣры въ научномъ познаніи. Разсматривая теоретическія основы научнаго изслѣдованія, онъ говоритъ въ 26 своей *Физиологической Оптикѣ* (2 Aufl., S. 593—594): «Jeder Inductionsschluss stützt sich auf das *Vertrauen*, dass ein bisher beobachtetes gesetzliches Verhalten sich auch in allen noch nicht zur Beobachtung gekommenen Fällen bewähren werde. Es ist dies ein Vertrauen auf die Gesetzmässigkeit alles Geschehens. Die Gesetzmässigkeit aber ist die Bedingung der Begreifbarkeit. Vertrauen in die Gesetzmässigkeit ist also zugleich Vertrauen auf die Begreifbarkeit der Naturerscheinungen. Setzen wir aber voraus, dass das Begreifen zu vollenden sein wird, dass wir ein letztes Unveränderliches als *Ursache* der beobachteten Veränderungen werden hinstellen können, so nennen wir das regulative Princip unseres Denkens, was uns dazu treibt, das *Causalgesetz*. Wir können sagen, es spricht das Vertrauen auf die *vollkommene Begreifbarkeit* der Welt aus... Für die Anwendbarkeit des Causalgesetzes haben wir aber keine weitete Bürgschaft, als seinen Erfolg... Das Causalgesetz ist wirklich ein a priori gegebenes, ein transcendentales Gesetz. Ein Beweis desselben aus der Erfahrung ist nicht möglich; denn die ersten Schritte der Erfahrung sind nicht möglich ohne die Anwendung von Inductionsschlüssen, d. h. ohne das Causalgesetz; und aus der vollendeten Erfahrung, wenn sie auch lehrte, dass alles bisher Beobachtete gesetzmässig verlaufen ist,—was zu versichern wir doch lange noch nicht berechtigt sind,—würde immer nur erst durch einen Inductionsschluss, d. h. unter Voraussetzung des Causalgesetzes, folgen können, dass nun auch in Zukunft das Causalgesetz gültig sein werde. Hier gilt nur der eine Rath: Vertraue und handle!

Das Unzulängliche
Dann wird's Ereigniss».

ствительности кажется намъ безконечно ничтожнымъ въ сравненіи съ тѣмъ блестящимъ, полнымъ красоты и поэзіи миражемъ, который создаютъ намъ наши чувства; но для философа онъ становится источникомъ новыхъ идейныхъ построеній, изъ которыхъ въ его головѣ вырастаетъ еще болѣе прекрасное царство сверхчувственныхъ идеаловъ и цѣнностей. Выходя изъ явленій и законовъ своего собственного сознанія, философъ пытается при помощи нѣсколькихъ субъективныхъ гипотезъ проникнуть въ сущность и цѣли вещей, понять ихъ смыслъ и назначеніе, разгадать ихъ начало и конецъ. вмѣсто чувственного представленія природы и научной концепціи міра онъ предлагаетъ намъ метафизическую концепцію вселенной, которая должна съ избыткомъ возратить дѣйствительности ея права, отнятыя имъ же самимъ. Что правды въ этой метафизической концепціи дѣйствительности? Философъ этого не знаетъ. Онъ только *вѣритъ*, что его система истинна и неопровержима, вѣритъ немножко эгоистическою вѣрой, потому что всѣ остальные философскія системы кажутся ему невѣроятными. Другіе философы смѣются надъ этою вѣрой и предлагаютъ вмѣсто его теоріи свои собственные рѣшенія міровыхъ проблемъ, — рѣшенія столь же разнообразныя и противоположныя, какъ разнообразны и противоположны умы, характеры и вѣрованія людей. А надъ всѣми ими смѣется капризная природа, которая про себя знаетъ, что философы только обманываютъ себя самихъ своими собственными иллюзіями, что они создаютъ свой міръ идей точно такъ же, какъ дѣти создаютъ себѣ фантастическій мірокъ, когда играютъ въ свои куклы, что ихъ философская вѣра возникаетъ не изъ нѣдръ дѣйствительности, а изъ нѣдръ ихъ собственной мысли и сердца, что она диктуется не строемъ вещей, а строемъ ихъ собственной души, ихъ личными мечтами и чувствами, ихъ стремленіями и привычками, ихъ страстями и предразсудками¹⁾.

¹⁾ Сравн. интересныя замѣчанія Джемса о философскихъ критеріяхъ истины и о различныхъ рѣшеніяхъ философскихъ проблемъ въ его прекрас-

Чувственный порядокъ природы и идеальный порядокъ мыслимыхъ нами вещей являются условіями нашего личнаго и общественнаго существованія. На почвѣ ихъ создается тотъ порядокъ практическихъ отношеній и цѣлей, который называется жизнью. Не моя задача разсматривать здѣсь законы жизни и управляющія ею силы; но мнѣ кажется, что вѣра есть одна изъ самыхъ главныхъ и самыхъ могучихъ такихъ силъ. Возьмите любую область практическихъ отношеній и любую категорію цѣлей, не только въ нашемъ человѣческомъ мірѣ, но даже въ жизни природы, и вы всюду встрѣтитесь съ этимъ неопровержимымъ фактомъ. „Животное, опредѣляющее свою пищу по одному ея виду или идущее къ мѣсту убѣжища, — говоритъ Бэнъ, — распознаетъ извѣстныя совпаденія естественныхъ свойствъ и обнаруживаетъ въ полной мѣрѣ состояніе вѣры въ отношеніи къ нимъ. Самое скромное насѣкомое, обладающее постояннымъ жилищемъ или извѣстными средствами для удовлетворенія своихъ потребностей, одарено способностью вѣрить. Каждое новое совпаденіе явленій, внесенное въ рутину животнаго существованія и содѣйствовавшее достиженію его цѣлей, есть новый членъ вѣры. Ребенокъ, нашедшій дорогу къ груди матери, которая накормитъ и согрѣетъ его, сблалъ успѣхи въ способности вѣры; и тотъ же путь идетъ, расширяясь, черезъ всю жизнь“¹⁾. Уже въ колыбели ребенокъ вѣритъ въ ласковую улыбку матери и въ строгій взоръ отца, и съ этою инстинктивною вѣрой связаны его первыя моральныя радости и страданія. Когда онъ выйдетъ изъ колыбели, вѣра въ чужой авторитетъ и въ свой собственный маленькій опытъ будетъ сопровождать его первые шаги въ этомъ необъятномъ и невѣдомомъ мірѣ и поведетъ его по пути дальнѣйшаго воспитанія и развитія. Когда онъ вступить въ жизнь взрослымъ человѣкомъ, вѣра окрылитъ его молодыя мечты, подскажетъ ему предметы

ной рѣчи «*The Will to Believe*», Essays in popular Philosophy, New-York, London and Bombay, 1897, p. 14 ff.

¹⁾ Bain, *The Emotions and the Will*, 3 ed., London, 1888, p. 506.

желаній, создасть его счастье и горе, научить его любить и ненавидѣть. Когда, наконецъ, онъ пройдетъ поле жизни и похоронитъ свои несбывшіяся мечты и надежды, вѣра утѣшитъ его въ ихъ потерѣ и мирно проведетъ въ могилу. Вѣра и жизнь, убѣжденіе, чувство и дѣйствіе связаны между собой тысячью неуловимыхъ нитей, и часто бываетъ невозможно рѣшить, что изъ нихъ слѣдствіе и что причина. Если наши чувства, стремленія и страсти служатъ скрытыми мотивами нашихъ вѣрованій, то въ свою очередь наши вѣрованія выливаются въ потокъ чувствъ, стремленій и страстей. Любите, и вы будете вѣрить; вѣрьте, и вы будете любить,— вотъ двѣ одинаково несомнѣнныхъ нравственно-психологическихъ аксіомы. Развѣ не сходство вѣры и не взаимное довѣріе сближаютъ людей другъ съ другомъ и соединяютъ ихъ въ общественныя и политическія группы? И развѣ не различіе ихъ вѣръ поселяетъ между ними вражду? Что, какъ не вѣра въ возможное будущее, побуждаетъ людей стремиться къ ихъ цѣлямъ, корыстнымъ и безкорыстнымъ, низкимъ и благороднымъ, пошлымъ и возвышеннымъ? Что иное приковываетъ ихъ умы и сердца къ тѣмъ иллюзіямъ и химерамъ, которыми они убаюкиваютъ себя среди житейскихъ комедій и драмъ? Что служитъ движущею пружиной ихъ борьбы за истину и противъ истины, ихъ подвиговъ и преступленій? Маленькій эгоистъ, утопающій въ болотѣ житейской пошлости, добивается своего маленькаго личнаго счастья, потому что онъ вѣритъ въ его возможность и не вѣритъ въ другія, высшія цѣли; великій общественный герой, жертвующій всѣмъ для блага другихъ, борется за свой идеалъ, потому что онъ вѣритъ въ его достижимость и не вѣритъ въ смыслъ будничнаго личнаго счастья. Фонвизинскій Митрофанъ и Гоголевская Коробочка имѣютъ свой символъ вѣры и живутъ этою несложною вѣрой точно такъ же, какъ жили своею Ньютономъ или Кантъ. И вся исторія человѣчества есть не что иное, какъ воплощенная въ дѣйствіяхъ и событіяхъ человѣческая вѣра,—вѣра Колумба, открывающаго людямъ новый міръ, и

вѣра калифа Омара, сжигающаго безцѣнные сокровища Александрійской библіотеки, вѣра мучениковъ и героевъ, идущихъ на костры во имя своихъ убѣжденій, и вѣра палачей, воздвигающихъ эти костры, вѣра пророковъ, призывающихъ толпу къ истинному Богу, и вѣра толпы, побивающей пророковъ камнями.

II.

Итакъ, вѣра есть универсальный фактъ. Она служитъ основой нашего познанія и жизни; она проникаетъ наши идеи, вторгается въ міръ нашихъ чувствъ и управляетъ нашими дѣйствіями. Безъ сомнѣнія, въ этомъ именно всеобъемлющемъ значеніи вѣры нужно искать объясненія того факта, что она понимается теоретиками очень различно. Смотря по тому, какая изъ ея сложныхъ теоретическихъ и практическихъ функций принимается въ расчетъ, вѣра опредѣляется то какъ извѣстный способъ познанія, то какъ особая форма чувства, то какъ своеобразный волевой актъ.

Въ самомъ дѣлѣ, если все наше знаніе сводится къ вѣрѣ, то не заслуживаетъ ли самая вѣра имени *знанія*? Вѣдь, познавать вещи значитъ представлять ихъ въ связи между собой и мыслить ихъ взаимныя отношенія, т. е., иными словами, ассоціировать ихъ другъ съ другомъ, помнить ихъ antecedentes, ожидать ихъ слѣдствій, судить объ ихъ свойствахъ и законахъ. Но то, что связано въ нашемъ представленіи нерасторжимою связью, внушаетъ намъ мысль о реальности этой связи; то, что мы помнимъ и чего ожидаемъ, кажется намъ достовѣрнымъ; то, о чемъ мы судимъ, утверждается нами, какъ существующій фактъ, или отрицается, какъ несуществующее. Все это лишь различныя выраженія для одного и того же состоянія вѣры, и намъ остается только рѣшить: не совпадаетъ ли вѣра съ „неразрывною ассоціаціей идей“, какъ полагалъ въ свое время Джемсъ Милль? ¹⁾ Не состоитъ ли она лишь въ памяти о

¹⁾ James Mill, *Analysis of the Phenomena of the Human Mind*, 2 ed., London, 1878, vol. I, chap. XI, въ частности p. 361 ff.